

ТЕАТР Путь к нему бесконечен...

Размышления о спектакле «Александр Пушкин»

С интересом воспринял магнитогорский спектакль «Александр Пушкин», премьера которого состоялась совсем недавно. Трудно, пожалуй, назвать другую работу нашего городского драматического театра, которая вызвала бы такой интерес зрителей и в то же время — столько взысканий, мнений, подчас, как говорили во времена Пушкина, «весьма противоречивых». А спорят обо всем — начиная от первой сцены (когда Александр Сергеевич строго отчитывает проступившую девочку за то, что та неосторожно декламирует его антипарижский «новел») и до последней, в которой стихи такого же содержания звучат перекрестком из уст самого Пушкина.

Что ж, Пушкин, как говорят, «для каждого — свой». Так вот, яиче, увидев на нашей сцене дорогой всем образ гениального поэта — большой праздник для магнитогорцев. И многое сделал коллектив драматического театра имени А. С. Пушкина для того, чтобы хорошая встреча эта состоялась. Как сразу же оценил своеобразие творческого замысла режиссера Ю. А. Тамарьяна, противопоставив работу актеров,

художника В. А. Кузьмина, всего большое «музыкального» диалог. Пьеса Д. Дала, надо заметить, не принадлежит к лучшим драматическим произведениям о великом русском поэте. Принадлежит в ней режиссера, прежде всего, резко выразительное содержание «скульптурное». Автор пьесы не отступил от исторической правды: именно в михайловской ссылке с наибольшей силой проявилась близость Пушкина к народу.

А вот спектакль по сравнению с пьесой выигрывает в целостности, композиционной стройности. Три действия, сценические повествования, расширяют перед нами образ поэта в динамике, развитии образа протоконкрет как бы по восходящей линии. Пушкин — жертва самодержавия, взыскания, сознательный свое «принужденное» положение, глубоко страдающий, но все словесный. Затем: Пушкин — человек богатого душевного мира. Наконец, Пушкин — мыслитель, друг народа, глубоко сочувствующий его борьбе за свое освобождение. И главная идея, пронизывающая и объединяющая все новеллы: Пушкин — поэт...

Раскрыть все это, до-

вести до зрителя, поставить доверять, что перед нами живой Александр Сергеевич Пушкин — такая труднейшая задача стояла перед артистами драматического театра Сергеем Юдиным и Николаем Чигасовым. Премьера, что называется, получилась в спешности, и можно предполагать о том, как первоначально этот спектакль обоим молодых актера.

Да, последние спектакли позволяют уже сделать вывод: и тот и другой дали неплохую «зачинку на образ». Примечательно, что актеры не копируют друг друга, каждый старается найти свой артистический «почерк». Прост, «ягост», предельно лиричен в первом действии Пушкина у Юдина. У Чигасова он выглядит более сдержанным, задумчивым, временами делится суровым. С первых Пушкина еще являет большую, много в нем осталась от сложной юности поры, когда все в жизни казалось прощальным. Второй стал воодушевленнее, как бы более осмысленно заглянул на себя, на свое подорожье. И вот — резкие перемены от радости к отчаянию, от отчаяния — к ощущению трагичности ситуации, из которой нет выхода... Такой образ

«принужден»? Такого вопроса не возникает. Ведь каждая актерская работа — это лишь одна строчка в «музыкальном», одна черточка к портрету гения. Осталось в главном верными исторической правде, она артиста как бы дополняет друг друга, делая сценический образ поэта более емким, впечатляющим. Однако это своеобразие творческого почерка ощущается лишь в начале спектакля, дальше — хотя того актеры или нет — чувствуется уже явная «дублированность». Исто, по всей вероятности, в том, что ни Чигасов, ни Юдин не смогли пока что полностью выдramатургизировать вад драматургическим миксриалом, следуют за ним, как бы «чужаються» и его слабости. А у самого Д. Дала второе и третье действия ощущаются менее выразительными, чем первое (и по сюжету, и по характеру).

Взять, скажем, первую сцену в Тригорском. Драматург, а вслед за ним и исполнители явно упускают здесь возможность показать еще один примечательный штрих в характер своего героя. Речь идет о блестящем полемическом таланте Пушкина, его умения быть душой любой бесе-

ды. А именно на такой роли и зюлина была, по-видимому, восторжен Александр Сергеевич проживающая встреча с Анной Керн в присутствии «счастливой соперницы» Александры Вульф. В спектакле же получаются не так. Делается, здесь как раз-таки не следовало бы идти за драматургом, сцена эта могла бы сыграть «слезы в колодезь». И, конечно, прочим, к такому решению близок Н. Чигасов, когда он в раскаты о спамонных «ревнотворских» приключениях Пушкина является местами злодейскими сарказмом.

Большое всего мастерства и душевной силы требует в этом спектакле от актера, играющего главную роль, сцена объяснения с Керн. Ведь здесь, зритель вправе ожидать, что актер должен показать не только сложнейший драматический конфликт, но и высокую психологическую глубину мысли Пушкина. Артисту необходимо внутренне «продомить» в себе переживания поэта во всей их сложности, постараться как можно больше приобщить свою творческую гибкость к высокой психологической «высоте». Пока что ни Юдин, ни Чигасов не выработали здесь своей «линии» (хотя нельзя не заметить, что от спектакля и спектаклю ит-

ра их становится убедительнее)... Может быть, отчасти причина оных та же, в том, что и драматургически сцена решена не слишком удачно, да и сама немалопервая трудность задачи и ответственность по мнению не накладывает отпечатка на эту актеров, временами чувствует ее просто неуверенность... Незад этого этого ошарашив с Керн не стал в спектакле центральным, кульминационным, как предполагалось по замыслу драматурга. Настоящая кульминация спектакля, в сцене у Спасо-Тригорского монастыря. «...Пушкин и «народной» красной рубахе по-своему разговаривает с мушкетером о Стеньке Разине, о том, может ли «рабство» быть по мнению поэта, «читает стихи как «ча от домнах самолетах напишут наши имена»... Такая «революционно-оптимистическая» трактовка в данной сцене правомерна: ведь мы застаем Пушкина в момент, когда набольший начал приобретла его открытая вражда с царским правительством.

Некоторая декларативность сцены у Святогорского монастыря свидетельствует о сдержанной, обаятель-

ной, которую он обладал беречь (защитить себя от). Принадлежит игра А. Г. Шпронца (сестра Юана, игумня Святогорского монастыря), М. А. Ошоничиной (в оной (Православия Осиповна Вульф). От спектакля в спектаклю обрести свой «голос» молодой актриса Т. Голубева (Оля Михайловна). Не подчас, и сожаление, над «хрестоматийной» трактовкой своей роли А. П. Шпилунова (Арина Родионовна).

Много хорошего можно было сказать о художественном оформлении спектакля (В. А. Кузьмин) и музыкальном (М. В. Куликов). Спектакль «Александр Пушкин» был тепло встречен зрителем в городе Иванове, Владимире. С несомненным одобрением (несмотря на все споры и замечания) отзываются о нем в большинстве своем и наши земляки. Да, это одна из лучших режиссерских работ Ю. А. Тамарьяна, по крайней мере, на магнитогорской сцене. Но, говоря даже о лучшем, всегда имеется в виду «еще лучше». Будет над спектаклем работа продолжаться. Путь наш к Пушкину, как сказал современный драматург, бесконечен, и настоящий художник никогда не почувствует себя вполне удовлетворенным...

П. ХУДОВЕРОВ.

Эти герои пьесы, как другие, представляющие искусство поэта — из тех, кто привык называть «эпидемическими» всевозможными пьесы. Они, главным образом, помогают раскрыть те или иные черты пушкинского образа. Однако и среди них встречаются интересные, выразительные характеры.

В первую очередь, это относится к Анне Петровне Керн. Актриса Валентина Иванова поставила «оправдание» своему образу, создает прекрасный образ этой исключительной, но по своему беспечной и по своему обаятельной светской красавицы. Актриса сыграла и сама актриса не был противопоставлять здесь пушкинскую менту об икаде — «земной» Анне Керн.

Среди других актерских удач нельзя не отметить Ю. В. Кулина, который поставил нам Ивану Пушкина — непременно, конечно, непосредственно в своей любви и другу и в то же время умозрительно содержит «попы ду-